

Ю. Д. АПРЕСЯН

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ
ТЕОРИИ СЕМАНТИКИ

(Ответ Н. Ю. Шведовой)

Недавно была опубликована статья Н. Ю. Шведовой «Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна „Синонимия и синонимы“» (ВЯ, 1970, 3), содержащая критический разбор названной в ее заглавии работы¹. Я считаю своим долгом перед читателем выразить согласие с замечаниями Н. Ю. Шведовой, касающимися слов *первый* — *верховный*, *как* — *словно* — *будто* — *точно*, *желанный* — *желательный*, *причинять боль* — *резать*, *не грех и (выпить)*, и принести ей свою искреннюю благодарность за них. Названные синонимические ряды — важная, хотя и небольшая часть рассмотренного в моей статье материала (всего в ней приведено около 150 рядов синонимов и квазисинонимов, из которых половина прокомментирована).

Другие суждения Н. Ю. Шведовой вызывают возражения и, поскольку они касаются принципиальных вопросов развиваемой моими коллегами и мной теории семантики, вынуждают меня воспользоваться правом ответа на критику.

Свои замечания Н. Ю. Шведова группирует в восемь тем: «1) объем значения слова и, соответственно, характер словарного определения; 2) возможности метаязыка в их отношении к семантической структуре слова; 3) основания для построения синонимических рядов, границы между синонимией и «квазисинонимией»; 4) соотношение значения слова и его сочетаемости; 5) основания для запретов в сфере сочетаемости; 6) объем понятия «сочетаемость слов»; 7) свободное сочетание слов и фразеологизм как объекты для изучения сочетаемости; 8) основания для выведения значений слов» (стр. 36). В интересах читателя сгруппируем свои ответы таким же образом.

1. По мнению Н. Ю. Шведовой, в статье «не удастся уловить единого и последовательно осуществляемого решения» по вопросу о том, «что принимается за компонент значения слова» (стр. 37): одни толкования чересчур общи, другие — чересчур детальны. Поскольку Н. Ю. Шведова нигде не возражает против предлагаемых в статье теоретических принципов истолкования значений (толкования должны быть нетавтологичны, полны и неизбыточны), ее критику можно интерпретировать как упрек в неумении приложить правильные принципы к конкретному материалу. Поэтому перейдем к рассмотрению наших определений и контроопределений Н. Ю. Шведовой.

Увеличиваться и *возрастать* определяются в статье как «становиться (т. е. „начинать быть“) больше»; различия между двумя глаголами считаются чисто сочетаемостными. По Н. Ю. Шведовой, *увеличиваться* зна-

¹ Другую оценку работы «Синонимия и синонимы» см.: J. Filipeš, Z nových praci o synonymech, «Jazykovédné aktuality», 1969, 3—4.

чит «становиться больше в объеме, размере» (разрядка наша. — Ю. А.); «в *возрастать* этот второй компонент отсутствует²» (стр. 37). Этим семантическим различием Н. Ю. Шведова объясняет тот факт, что сочетания *Опухоль увеличилась, Государство увеличилось* правильны, а соответствующие словосочетания с глаголом *возрастать* — нет.

Прежде чем рассматривать это рассуждение по существу, заметим, что «размер» в определении *увеличиваться* нельзя понимать как родовой термин для обозначения таких физических параметров предмета, как объем, площадь, длина, ширина, высота и т. п., так как тогда компонент «объем» оказался бы абсолютно избыточным. Скорее всего, «размер» имеет значение величины вообще, обычно реализуемое в сочетании с именами предметов, которым никакого конкретного физического параметра приписать нельзя (ср. *государство, завод* и т. п.). С этим уточнением данное Н. Ю. Шведовой определение примет следующий вид: *увеличиваться* «становиться больше в объеме или размере вообще». Однако несомненно, что *увеличиваться* может не только объем (*Опухоль увеличилась*) или размер вообще (*Государство увеличилось*), но и 1) площадь (*Полоса распаханной земли за ночь еще больше увеличилась, Увеличиваются посевные площади под ценными культурами*), 2) линия (*Увеличилась протяженность подъездных путей* [ширина колеи, высота дома]), 3) количество или число (*Увеличился заработок, Увеличилось число оборотов*). Если считать форму определения, предложенную Н. Ю. Шведовой, целесообразной, то само определение в свете приведенных фактов необходимо будет дополнить следующим образом: *увеличиваться* «становиться больше по объему, площади, протяженности, количеству, числу или размеру вообще». Однако это определение автоматически становится избыточным, потому что все перечисленные признаки, бесспорно, охватываются общим смыслом «больше», и без того фигурирующим в определении («больше» может быть и объем, и площадь, и линия, и количество, и число, и размер вообще). Таким образом, мы вновь получаем толкование *увеличиваться* «становиться больше».

Теперь попытаемся десинонимизировать *увеличиваться* и *возрастать* с другой стороны. Хотя Н. Ю. Шведова не дала полного толкования глагола *возрастать*, можно предположить, что она рассматривает его как частный случай *увеличиваться*. В пользу этого предположения свидетельствует и интуиция, и тот факт, что сфера употребления *увеличиваться* гораздо шире, чем *возрастать*, и, наконец, словарные определения, в которых *возрастать* толкуется через *увеличиваться*, а не наоборот. Итак, допустим, что различие между *увеличиваться* и *возрастать* все же семантическое и возникает за счет каких-то особенностей глагола *возрастать*. Легко заметить, например, что *возрастать*, по-видимому, под двойным давлением этимологии (ср. значения *воз-* и *-расти*), охотно сочетается с существительными, к которым применимы предикаты «высокий» и «низкий», ср. *Заработки [доходы, ставки] выросли вдвое. Может быть, возрастать = «становиться выше»? Нет, и от этого решения надо отказаться, потому что «выше» [«ниже»] реализует здесь свое переносное значение, никакого отношения к высоте не имеющее и семантически в точности синонимичное значению «больше» [«меньше»]. Что же касается эффекта маркированности, присущего *возрастать*, то он возникает именно за счет больших сочетаемостных ограничений этого глагола. Итак, *возрастать* тоже значит «становиться больше», и, следовательно, различия между двумя глаголами — чисто сочетаемостные³.*

² В Малом академическом словаре *возрасти* толкуется следующим образом: «увеличиться (в размерах, объеме, силе и т. п.)» (разрядка наша. — Ю. А.).

³ Мыслима еще одна возможность трактовать *увеличиваться* и *возрастать* как неточные синонимы. Они очень по-разному сочетаются (1) с абстрактными существитель-

Возражая против определения *повальный* = «охватывающий всех», Н. Ю. Шведова указывает в качестве «существеннейших компонентов значения» этого прилагательного «стихийно распространяющийся на всех как на пассивные объекты воздействия»⁴. Это определение, при всей его кажущейся очевидности, уязвимо в двух отношениях. Во-первых, *повальными* могут быть действия, проводимые по заранее и хорошо продуманному плану и, следовательно, лишенные стихийности, ср. *повальные аресты [обыски]* («...прослышал о близком повальном обыске у студентов». Ю. Давыдов). Во-вторых, *повальными* могут называться действия, у которых нет ни пассивных, ни активных «объектов воздействия», а есть только активно, хотя, может быть, и не вполне независимо, действующие субъекты, например, *повальное увлечение [бегство]*. Итак, от определения, предложенного Н. Ю. Шведовой, остается часть «распространяющийся на всех», которая, конечно, равносильна толкованию «охватывающий всех».

По-видимому, замыслу Н. Ю. Шведовой в большей мере соответствовало бы следующее определение: *повальный* = «охватывающий все субъекты или объекты действия, свобода воли которых в данной ситуации ограничена или отсутствует». Такое подробное определение имело бы смысл, если бы из него автоматически вытекали все сочетаемостные ограничения прилагательного *повальный*, т. е. если бы его сочетаемость не надо было задавать отдельным правилом. Последнее, однако, невозможно, потому что далеко не всем действиям, субъекты или объекты которых несамостоятельны, может быть приписан признак повальности; ср. некорректности таких словосочетаний, как **повальная смерть*, **повальные пожары*, **повальная ненависть к красивым словам*. Совершенно не зависимо от того, как определяется *повальный*, его сочетаемость, лексически достаточно ограниченная, должна быть задана отдельным правилом. В результате получается ненужное дублирование информации, и описание теряет экономность: второй элемент определения — отсутствие свободы воли — вытекает из значений слов *арест*, *обыск*, *бегство*, *увлечение* и т. п., которые все равно должны быть указаны в правиле сочетаемости. Напротив, если мы оставим в определении только те элементы, которые нельзя включить в характеристику сочетаемости, описание приобретет экономность, не утрачивая полноты (см. также 4).

2. «Корректное определение значений слов находится в непосредственной зависимости от возможностей метаязыка» (стр. 38); если, например, мы введем в определение *повальный* компонент «стихийно», то *повальный* и *всеобщий* — квазисинонимы, а если не введем, то они «останутся в лоне синонимии» (там же). «...естественно возникает вопрос: является ли значение слова объективной языковой данностью, существующей независимо от возможностей лексиколога и лексикографа, ...или же значение

выми, обозначающими определенный параметр физического тела (ср. *объем*, *площадь*, *размер* и т. п.) и (2) с именами конкретных предметов, имеющих соответствующий параметр (ср. *трюм*, *стена*, *предприятие* и т. п.). Можно сказать *Вместимость трюмов возросла [увеличилась]*, *Площадь под озимыми возросла [увеличилась]*, *Размеры предприятия возросли [увеличились]*, но только *Трюм [стена, предприятие] увеличивается* при некорректности **Трюм [стена, предприятие] возрастает*. Допустим в связи с этим, что у глаголов *увеличиваться* и *возрастать* имеется по крайней мере по два разных значения, реализующихся в условиях (1) и (2) соответственно. В первом из них они являются точными синонимами, а во втором — квазисинонимами: для глагола *возрастать* можно постулировать значение «становиться больше по любому параметру, за исключением объема, площади или размера вообще». Это решение достаточно далеко от того, которое предлагает Н. Ю. Шведова, но даже оно теоретически отнюдь не исключает возможности трактовать особенности второго значения *возрастать* как чисто сочетаемостные; ср. ниже п. 4.

⁴ Ср. толкование Большого и Малого академических словарей и словарей Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова: *повальный* = «охватывающий всех или многих».

слова — понятие условное, объем которого может расширяться или сужаться в зависимости от того инструмента, с которым мы к нему подходим?» (стр. 38—39). Здесь же говорится, что метаязык, предлагаемый в статье, беден.

Однако едва ли одновременное признание зависимости определений от возможностей метаязыка и объективности значения ведет к противоречию. Кажется очевидным, что описание фактов тем полнее и точнее, чем богаче и тоньше научный аппарат (инструментарий и язык науки); при этом более точное и полное представление о фактах — вовсе не свидетельство того, что сами они изменяются. Объективная данность, которая была названа категорией вида, не стала иной, когда во второй половине XIX в. Ф. Дид открыл значение предельности — неопределенности и сформулировал (в других терминах) соответствующее понятие; углубились и расширились, благодаря этому понятию, лишь наши знания о ней. Уже этот пример показывает, что от возможностей метаязыка, средствами которого описывается язык, зависят не только толкования значений отдельных слов, но и гораздо более общие и существенные лингвистические представления. Этот вопрос заслуживает более подробного разбора.

Возьмем обычное определение свободных словосочетаний и фразеологических единиц (годилось бы и любое другое определение, использующее семантическую информацию) и посмотрим, какими документами и средствами мы должны располагать, если хотим проверить, имеет ли оно именно тот смысл, который мы в него вкладываем. По общепринятому мнению, свободные словосочетания отличаются от фразеологических единиц тем, что в них значение целого равно сумме значений компонентов; во фразеологических единицах это равенство не имеет места.

Чтобы установить, имеет ли это определение нужный нам смысл, мы должны прежде всего располагать словарем, в котором все слова истолкованы в соответствии с рядом формальных требований (включая, как показали И. Бар-Хиллел и У. Вайнрайх, требование экономичности и простоты). Достаточно, например, поместить в словарь 1) глагол *вешать* в значении «приходить в состояние, обозначаемое зависимым существительным» с сочетаемостным ограничением «только со словом *нос* в качестве зависимого» и 2) существительное *нос* в значении «уныние» с сочетаемостным ограничением «только со словом *вешать* в качестве главного», чтобы словосочетание *вешать нос* «приходить в уныние» оказалось свободным. Пример хотя и нелепый, но не праздный: если так называемые фразеологически связанные значения в словаре фиксируются, то по крайней мере фразеологические сочетания перестают быть фразеологическими единицами, поскольку в них значение целого становится равным сумме значений компонентов.

Однако словарь сам по себе еще не обеспечивает согласного с языковой и лингвистической интуицией решения всех существенных семантических вопросов теории словосочетания. Нужны еще правила, отражающие объективно существующие в языке законы сложения значений. Допустим, например, что значения любых элементов, за исключением фразеологических, в связном тексте всегда складываются по аддитивному закону (значение целого равно сумме значений компонентов), и рассмотрим предложение *Погода совсем [совершенно] испортилась. Портиться*, в отличие от своего квазисинонима *ухудшаться* «становиться хуже», значит «становиться хуже или плохим»⁵. По правилу аддитивного сложения

⁵ Некоторые исследователи усматривают в таких случаях многозначность: *портиться* 1) «становиться хуже», 2) «становиться плохим». Изложим нашу точку зрения. В предложениях типа *Одни слезы испортились совсем*, а *другие — чуть-чуть испортились* представлен, вне всяких сомнений, не в двух разных значениях, а в од-

значений для фразы *Погода совсем испортилась* мы получим толкование «Погода стала совсем хуже или совсем плохой». Поскольку это — явная ошибка (в действительности *Погода совсем испортилась* = «Погода стала совсем плохой»), мы вынуждены заключить, что «значение целого» в данном случае не равно «сумме значений компонентов», и, следовательно, рассматриваемое предложение содержит фразеологическую единицу. Чтобы избежать этого нелепого результата, мы должны а) ввести неаддитивное правило сложения значений, а именно, правило нейтрализации, которое могло бы иметь следующий вид: «если $X = \dots A$ или B », где A — сравнительная, а B — положительная степень прилагательного, и если X -у подчинено слово Y со значением полной степени признака (*совсем, совершенно, абсолютно* и т. п.), то для получения толкования всего словосочетания XY необходимо устранить из толкования X компонент „сравнительная степень“ вместе со знаком дизъюнкции» (правило годится для глаголов *портить — портиться, исправлять — исправляться, распускать (учеников) — распускаться* и др.); б) пересмотреть определение свободных словосочетаний и фразеологических единиц, введя в него указание на то, что значение свободного словосочетания образуется по одному из правил сложения значений (неважно, аддитивному или неаддитивному), а значение фразеологической единицы — нет. Вопрос о том, каков будет при таком решении статус фразеологических сочетаний, должен быть изучен отдельно.

Рассмотренный пример свидетельствует о двух вещах. Во-первых, определения языковых объектов и утверждения о них имеют смысл только в том случае, если они формулируются относительно словаря, переводящего выражения естественного языка на семантический, и относительно некоторой системы правил взаимодействия, или сложения значений в связном тексте. Во-вторых, строить семантический язык далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. В него нельзя вводить слова, особенно сложные, не зная их отношения к уже имеющимся словам, т. е. не зная, из каких более простых слов складывается их словарное определение и по каким правилам они взаимодействуют с другими словами в связном тексте. Именно этими соображениями объясняется то обстоятельство, что в настоящее время семантический язык располагает не слишком большим словарем и немногими синтаксическими правилами сложения значений. Он строится медленно, но последовательно, и на первых порах лучше довольствоваться ограниченным семантическим языком, все свойства которого нам зато хорошо известны, чем непрерывно пополнять его элементами с неопределенными свойствами; ценность таких элементов (ср. «стихийно») часто сомнительна.

ном (одновременная реализация двух значений одного и того же слова должна была бы дать эффект каламбура, которого здесь нет). В словосочетании *испортиться совсем* одной из семантических составляющих *испортиться* является «плохой», а в словосочетании *испортиться чуть-чуть* — «хуже». Таким образом, в одном и том же значении глагола есть обе эти составляющие. Остается решить, в рамках какой синтаксической структуры они могут сосуществовать. Мы уже видели, что есть случаи, когда в рамках одного простого предложения реализуются они обе (см. пример выше); в случаях типа *Погода совсем испортилась* реализуется только составляющая «плохой», а в случаях типа *Погода чуть-чуть испортилась* — только составляющая «хуже». Этот набор значений (либо A и B , либо A , либо B) присущ включительному союзу *или*, который поэтому должен быть введен в толкование глагола *портиться* и других подобных слов. Для многозначности же характерна не включительная, а исключительная дизъюнкция значений: либо A , либо B , но не A и B вместе. Именно по этой причине многозначные слова в нормальных условиях употребления реализуют в каждом предложении одно из своих значений; альтернативные осмысления в случае омонимии предложений имеют совершенно другую природу.

3. Развивая тему зависимости толкований от возможностей метаязыка, Н. Ю. Шведова в третьем пункте своей статьи оспаривает, в частности, предложенный в статье анализ слов *только*, *единственно*, *исключительно*. Но там речь идет лишь об ограниченном значении этих слов: *А ест только [единственно, исключительно] В* = «*А ест В; не существует С, отличного от В, которое бы А ел*». В указанном значении их, с нашей точки зрения, следует считать семантически точными синонимами с различной синтаксической сочетаемостью: *единственно* и *исключительно*, в отличие от *только*, совсем не сочетаются с глаголами (ср. *Физики-теоретики только думают* при невозможности **Физики-теоретики единственно [исключительно] думают*) и плохо сочетаются с наречиями (ср. *Я пойду только туда* при затруднительности **Я пойду единственно [исключительно] туда*). Несогласие Н. Ю. Шведовой с предложенным анализом основано на интерпретации примера *Он только подумал об этом (но ничего не сказал)*, который она склонна понимать в смысле «выделения ограничиваемого или противопоставляемого»: *только* = «всего лишь», «всего-навсего»⁶. По мнению Н. Ю. Шведовой, указанное ею различие разрушает синонимию *только* — *единственно* — *исключительно*. Можно признать, что данный пример допускает и ограничительное и противопоставительное толкование, однако это не дает оснований для исключения *только* из рассматриваемого синонимического ряда. В статье учитывалось чисто ограничительное, а не противопоставительное значение; приведенные выше примеры с несомненностью свидетельствуют о том, что у слова *только* это значение есть, и что, в отличие от слов *единственно*, *исключительно*, оно реализуется в сочетании с глаголами и наречиями (кроме свойственных всем трем синонимам сочетаний с существительными). Следовательно, наш анализ никак не опровергнут.

4. Проблема «значение или сочетаемость?» является центральной проблемой теоретической семантики и по существу, и в методологическом отношении. По существу — потому что от ее решения зависит решение всех остальных вопросов семантики; методологически — потому что именно в этой области возникает принципиальная возможность неоднозначности лингвистических описаний, в последнее время столь бурно дискутируемая лингвистами самых разных направлений.

Является фактом, что многие, хотя и не все, семантические различия могут быть с одинаковой степенью полноты и непротиворечивости представлены двумя способами: 1) либо как различия в значениях соответствующих языковых форм, 2) либо как различия в их сочетаемости⁷. Так, слова *свора*, *стая*, *табун* и т. п. могут быть описаны как неточные синонимы: *свора* $\cong$ «совокупность собак...»; *стая* $\cong$ «совокупность волков или птиц...», *табун* $\cong$ «совокупность лошадей...». Тогда для употреблений типа *свора собак*, *стая волков*, *табун лошадей* необходимо будет предусмотреть правило сложения значений, которое может иметь, например, следующий вид: «совокупность *ХХ*» = «совокупность *Х*» (без такого правила обойтись нельзя, потому что сочетания типа *табун лошадей* явным образом не значат «совокупность лошадей лошадей...»). С другой

⁶ Это толкование, представляющее собой простую синонимическую замену, кажется неудачным. Коррекцией было бы определение: *только* *Х* = «*Х; Х — мало или меньше ожидаемого, ср. Он только говорит об этом, но ничего не делает; Он написал только одну книгу; Ему исполнилось только пять лет; Ему сорок лет, но он только капитан* и т. п. Легко видеть, что это значение имеет мало общего с тем, которое анализируется в статье.

⁷ Два других случая — различия могут быть описаны только в терминах значений или только в терминах сочетаемости — в данном контексте нас не интересуют. См. ниже анализ слова *ухудшаться*.

стороны, можно сказать, что слова *свора*, *стая*, *табун* и т. п. — семантически точные синонимы со значением совокупности определенным образом организованных животных, различающиеся лишь своей лексической сочетаемостью. Тогда в случае абсолютного употребления типа *Табун мчался прямо на нас* у этих слов необходимо будет усмотреть другие значения.

Оба описания дают полную и непротиворечивую картину фактов, и, следовательно, мы не можем отдать предпочтение ни одному из них, если руководствуемся только критериями полноты и непротиворечивости. Поэтому для выбора оптимального решения необходимо привлечь какие-то дополнительные соображения, например, соображения экономичности и простоты, которые, кстати, всегда, хотя бы в неявном виде, использовались в лингвистике. Первое описание кажется более экономным, потому что в нем не нужно расщеплять значения, а второе — более простым, потому что для него не нужно особого правила сложения значений. В таких трудных случаях, как показывает опыт нашей работы, предпочтение следует отдавать простоте — как правилу, сочетаемостному решению.

Вернемся в этой связи к первому описанию и посмотрим, какой смысл может иметь символ X , фигурирующий в правиле сложения значений. Если бы X был символом любого слова, то решение было бы превосходно: система осложнилась всего одним новым правилом, а сэкономлены десятки единиц словаря. К сожалению, символу X нельзя придать никакого общего смысла. Возможность преобразования структуры вида $X + X$ в X зависит от того, каков этот X . В только что рассмотренном случае сокращение возможно и даже необходимо: «совокупность собак собак» = «совокупность собак» $\cong$ *свора*, «совокупность пчел пчел» = «совокупность пчел» $\cong$ *рой* и т. д. Однако, например, значения высокой степени, каузации и очень многие другие сокращать нельзя: «очень быстро двигаться» — не то же самое, что «быстро двигаться» (ср. *нестись, как стрела, нестись, быстро бежать*), «каузировать каузировать P » — не то же самое, что «каузировать P » (ср. *вызволить кого-л. из тюрьмы и выпускать кого-л. из тюрьмы*); есть разница между *толпой товарищей товарищей* и *толпой товарищей* и т. д. Из этого следует, что нужно ввести в описание столько разных правил, сколько имеется различных X , допускающих сокращение, — с риском сделать систему правил открытой. Между тем, правила должны образовывать замкнутую систему.

Рассмотрим теперь второе — сочетаемостное — решение. Оно, как мы видели, требует расщепления значений, т. е. расширения словаря. Но расширение словаря никакими серьезными последствиями не грозит, так как словарь является по своей природе незамкнутой, открытой системой.

Эти и им подобные соображения использовались всякий раз, когда возникала ситуация принципиальной неоднозначности лингвистических описаний. Видимо, Н. Ю. Шведова не допускает возможности разных, но равносильных друг другу описаний одних и тех же фактов. «Представляется несомненным, — пишет она, — что избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами „избирающего“ слова, и эти качества нужно искать в сфере значения» (стр. 41); «Исключения составят не столь уж многочисленные явления действительно „точных синонимов“» (стр. 40). Поскольку, таким образом, наши теоретические позиции различны, мне остается рассмотреть конкретный материал, в анализе которого я, по мнению Н. Ю. Шведовой, подменяю «тонкие различия» в семантике слов «описанием их разной сочетаемости». По соображениям места ограничусь двумя примерами — разбором синонимического ряда *намного* — *очень* и глагола *угудиться*.

Н. Ю. Шведова возражает против синонимизации *намного* и *очень* в значении «высокой степени». «...само значение высокой степени, — пишет она, — разлагается на „более высокой степени“ (это значение есть только в *намного*) и просто «высокой степени» (*очень*⁸). Объективно это подтверждается вхождением *намного* в ряд *намного* — в *большой степени* — и *очень* — в ряд *очень* — в *большой степени*» (стр. 40). Этим семантическим различием Н. Ю. Шведова объясняет отмеченные нами различия в сочетаемости *очень* и *намного* (оба наречия сочетаются с компаративным глаголом, ср. *очень* /*намного*/ *опередить*; однако только *очень* сочетается с некомпаративным глаголом и только *намного* — с прилагательным в сравнительной степени, например, *очень страдает*, *намного выше*, но не **очень выше*, **намного страдает*).

С утверждением Н. Ю. Шведовой о том, что значение наречия *намного* — компаративное («б о л е е высокой степени»), согласиться нельзя. Конституирующим свойством компаративного значения является указание на второй предмет сравнения. В русском языке это указание обычно присоединяется к слову с компаративным значением посредством союза *чем* и именной конструкции или посредством существительного в родительном падеже, ср. *больше* [*выше, длиннее, шире, толще, тяжелее*] *этой доски*, *больше* [*выше...*], *чем эта доска*, *существенный в большей мере* /*в большей степени, в более высокой степени*/, *чем все остальные аргументы* и т. д. У наречия *намного* этого главного свойства компаративного значения нет, и поэтому входит оно не в ряд *в большей степени, более, больше, в более высокой степени* и т. д., а в ряд *гораздо, значительно, очень, сильно* и т. д., ср. *гораздо* /*значительно, намного*/ *моложе, намного* /*очень, сильно*/ *отстал*.

Даже если бы *намного* действительно имело компаративное значение, то и тогда особенности его сочетаемости остались бы необъясненными. Наличие у слова компаративного значения никак не мешает ему сочетаться с глаголами со значением градуируемого свойства, ср. *картавит* [*смущается, страдает*] *больше меня, картавит в большей степени, чем я*, и т. д. Что же касается наречия *намного*, то оно, как было указано выше, в такие сочетания не входит.

Глагол *ухудшаться* использован в нашей статье для иллюстрации понятия сочетаемостного запрета. Там сказано: «Слово *ухудшаться*, например, должно быть снабжено пометой о том, что ему запрещено сочетаться с названиями физических предметов (включая названия лиц) в качестве подлежащего (невозможно **Машина ухудшается, *Петр ухудшается*), хотя этот запрет никак не вытекает из значения *ухудшаться* „становиться хуже“, ср. *Машина становится хуже, Петр становится хуже*» («Синонимия и синонимы», стр. 82). Соглашаясь с этим наблюдением, Н. Ю. Шведова считает, что этому явлению должна быть указана причина, и видит ее в том, что «все образованные от прилагательного глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*, имеющие словообразовательное значение нарастания признака, или вообще не сочетаются с названиями лиц, или сочетаются с ними ограниченно. Ср. такие глаголы, как *увеличиваться, уменьшаться, утучняться, убыстряться, увлажняться, утишаться, углубляться, укорачиваться, удорожаться, удешевляться, уплотняться, умягчаться, утончаться, утолщаться* и мн. др. ...Таким образом, *ухудшаться* не сочетается с *Иваном* не по каким-то индивидуаль-

⁸ Данная формулировка неудачна, так как дает повод думать, что компаративное значение «более высокой степени» рассматривается Н. Ю. Шведовой как частный случай значения просто «высокой степени»; между тем, давно и твердо установлено, что компаративные значения (*громче, ниже, тяжелее, шире*) являются более общими, чем соответствующие им некомпаративные (*громкий, низкий, тяжелый, узкий*).

ным и необъясненным причинам, заложенным только в этом глаголе (а именно так получается, когда рассматривается одно слово, произвольно отвлеченное от целого словообразовательного типа), но по общему правилу сочетаемости всех слов этого типа. Поэтому в толкование значения слова *ухудшаться* (так же, как *уменьшаться*, *умягчаться* и т. д. должно быть введено указание: „о предмете как носителе признака“ или что-то в этом роде; это — один из элементов значения данного слова» (стр. 40).

Многое в этом отрывке вызывает возражения.

Во-первых, исследователь имеет право иллюстрировать свой тезис одним произвольно выбранным примером, если для прояснения существа дела его достаточно; приведенный случай именно таков, потому что иллюстрировалось не общее правило, а запрет.

Во-вторых, в статье речь идет о том, что *ухудшаться* не сочетается с названиями любых физических предметов (включая лиц), а у Н. Ю. Шведовой — о несочетаемости с названиями только лиц. Подавляющее большинство процитированных ею глаголов настолько свободно сочетается с названиями вещей, что Н. Ю. Шведова считает необходимым ввести в их толкование компонент «о предмете как носителе признака»; но применительно к *ухудшаться* (к нему можно присоединить еще и *улучшаться*), именно в силу его индивидуальных лексических свойств, отмеченных выше, такое указание является прямой ошибкой: ведь этот глагол как раз не сочетается с названиями предметов.

В-третьих, даже если бы утверждение Н. Ю. Шведовой было верным относительно всего рассмотренного ею словообразовательного типа, объяснение ограничений в сочетаемости этих глаголов все равно нельзя было бы считать причинным: просто узкое сочетаемостное правило Н. Ю. Шведова заменила широким, но тоже сочетаемостным правилом.

В-четвертых, указание «о предмете как носителе признака» Н. Ю. Шведова считает и «общим правилом сочетаемости всех слов этого типа», и элементом их значения. Одно из двух: либо есть специальное сочетаемостное правило, и тогда нет нужды включать то же самое указание в толкование слова; либо есть особенность значения, и тогда нет нужды отдельно формулировать ее же еще и в виде правила сочетаемости.

Наконец, в-пятых, названный Н. Ю. Шведовой словообразовательный тип не имеет отношения к обсуждаемой проблеме. Особенности свободной (продуктивной) сочетаемости любых слов, в том числе и рассмотренных Н. Ю. Шведовой глаголов, в большинстве случаев определяются не столько внешними морфологическими признаками (наличием в их составе тех или иных конкретных префиксов, постфиксов и т. п.), сколько гораздо более глубокими семантическими свойствами соответствующих предикатов, коренящимися в целостной семантической структуре слова. Лица не имеют глубины (в физическом смысле) и поэтому не могут не только *углубляться*, как рвы или водоемы, но и *мелеть* (хотя *мелеть* относится к другому словообразовательному типу); у них нет скорости, и поэтому они не могут не только *убыстряться*, но и *замедляться* (другой словообразовательный тип)⁹; лиц обычно не оценивают с точки зрения мягкости — твердости их тел, и поэтому они не могут не только *умягчаться*, но и *смягчаться* (в физическом смысле) или *размягчаться*. Если глагол образован от такого значения прилагательного, в котором оно описывает параметр вещи, но не лица, он, разумеется, не будет сочетаться с названием лица, совершенно независимо от своей словообразовательной

⁹ Кстати, поскольку скорость присуща не предметам, как таковым, а только их движениям, собственно предметы (вещи) столь же мало могут *убыстряться* или *замедляться*, как и лица; поэтому распространять на *убыстряться* указание «о предмете как носителе признака» ошибочно.

структуры; невозможно не только **Иван утолстился*, но и **Петр истончился*. В этом отношении рассматриваемый словообразовательный тип не имеет никаких преимуществ перед другими словообразовательными типами. Мы, например, с таким же успехом могли бы утверждать, что несочетаемость с названиями лиц характеризует отаждективные глаголы с приставкой *за-* и постфиксом *-ся*, имеющие словообразовательное значение нарастания признака, ср. *загладиться, загуститься, зазеленеться, закружиться, замедлиться, замутиться, заостриться, заполниться, засолиться, затемниться, затупиться* и др. Напротив, если глагол образован от такого (значения) прилагательного, которое описывает параметр лица, он будет сочетаться с названием лица, даже если имеет описанную Н. Ю. Шведовой словообразовательную структуру, ср. *умилостивиться, уподобиться, уравниваться, успокоиться* и ряд других глаголов.

Итак, сочетаемостные различия названных Н. Ю. Шведовой глаголов никак нельзя объяснить их принадлежностью к словообразовательному типу «*у* — основа прилагательного — *ся*» со значением нарастания признака. Во всех рассмотренных случаях сочетаемость — несочетаемость глаголов с названиями лиц или вещей выводится непосредственно из своей выражаемых ими предикатов. Не то в случае глагола *ухудшаться* (или *улучшаться*). Людей и вещи можно оценивать (см. примеры выше), но об этом не принято говорить, используя слова *ухудшаться* — *улучшаться*. Поскольку связать сочетаемостные ограничения *ухудшаться* — *улучшаться* с их семантическими свойствами нельзя, приходится довольствоваться чисто сочетаемостным правилом.

5. Вопрос о запретах и предписаниях, возможном и невозможном, правильном и неправильном, нормальном и аномальном в языке, при нынешнем состоянии теории нормы, объективно очень труден для решения. Выдвинутые до сих пор понятия (схема, система, структура, узус, норма, нормализация, кодификация и т. п.) отражают не столько реальные успехи в этой области, сколько первоначальные усилия разобраться в необыкновенно сложном и пестром материале. Соответствует ли норме *очень покрепче* (Лесков), *нервно держала правую руку* (Мамин-Сибиряк), *открытая буланая машина* (Булгаков), *Его пообщали свести с самим создателем* (имеется в виду создатель ветвистой пшеницы; Тендряков), *Есть предложение считать сумерки сгустившимися* (Стругацкие), *в четырехлетнюю меня* (Цветаева), *Их воздухом поющ тростник и сладок* (Мандельштам), *Я знаю, тихонечко стоя в сторонке* (Евтушенко) — или это обдуманное отступление от нормы, целью которых является создание определенного стилистического эффекта? Можно ли сказать *поразил врата команды Польши* («Правда»), *автор новой высокоэффективной флотационной машины* (там же), *несбыточные потуги* (там же), *рассматривает Кашмир своей неотъемлемой частью* (там же), *агрессивные акты изображаются мерами самообороны* (там же), *оценивают их работоспособность хорошей* (там же), *угнали несколько государственных и собственных машин* (ереванский «Коммунист»), *похищенные части реализовали случайным покупателям* (там же) — или это журналистские недосмотры и ошибки?

В оценке таких явлений мне кажется более оправданной ригористичность, чем либерализм. Я, в частности, не согласен с Н. Ю. Шведовой, считающей словосочетание *снимать озеро* (в значении «арендовать») и *катастрофа с самолетом* (в значении «авиационная катастрофа») вполне правильными на том основании, что первое приводится в Большом академическом словаре в качестве иллюстрации, а второе подтверждается в том же словаре толкованием слова *крушение*. Словосочетание *снимать озеро* отмечено у Салтыкова-Щедрина и вряд ли соответствует современной нор-

ме словоупотребления; что же касается словосочетания *катастрофа с самолетом*, то в словарных определениях, в интересах ясности, иногда умышленно используются ненормативные обороты. Тот факт, что оно принадлежит к продуктивной и быстро растущей в современном разговоре в языке конструкции $C_{им} + с + C_{тв}$, где $C_{им}$ — название события, не должен нас смущать, потому что конкретные словосочетания этого типа крайне неравномерно осваиваются литературным языком. В частности, фразы *статистика авиационных катастроф*, *Он попал в авиационную катастрофу*, *В этом году произошло две крупных авиационных катастрофы*, по-видимому, из-за книжного характера прямого значения слова *катастрофа*, бесспорно, предпочтительнее фраз **статистика катастроф с самолетами*, **Он попал в катастрофу с самолетом*, **В этом году произошло две крупных катастрофы с самолетами*.

6—7. Эти два пункта посвящены сочетаемости и фразеологизмам. Здесь, в частности, говорится: «Разлагая на слова устойчивые сочетания типа *до скорого свидания*, *в близком будущем...*, *быть в восторге*, *питать уважение*, *оказывать влияние*, *производить впечатление* и под..., нельзя изучать сочетаемость как явление „валентной структуры слова“: своей собственной валентностью обладает уже все такое сочетание в целом» (стр. 42—43), потому что «... исторически закрепившееся соединение двух слов приобретает качества и функции одного слова» (стр. 43).

Изложенная Н. Ю. Шведовой точка зрения не кажется убедительной. К этим выражениям разумно подходить с позиции теории фразеологии, развитой В. В. Виноградовым. По классификации В. В. Виноградова все они относятся к разряду фразеологических сочетаний, в которых «синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания»¹⁰ (разрядка наша. — Ю. А.). Аргументация этого положения, на наш взгляд, неотразима, сводится к тому, что фразеологические сочетания допускают всевозможные синтаксические перестройки, эксплуатирующие индивидуальные валентные свойства составляющих их слов, ср. *в самом близком будущем*; *Уважение, которое я издавна питал к ней*, *ничуть не уменьшилось*; *Впечатление, произведенное этим открытием, было ни с чем не сравнимо*. На этом основании В. В. Виноградов противопоставлял их фразеологическим сращениям — эквивалентам слова с неразличимыми грамматическими отношениями между компонентами (ср. *был баклуши*, но не **баклуши, которые он был*). Даже фразеологические единства — семантически более спаянные фразеологические единицы, чем фразеологические сочетания, — он считал всего лишь потенциальными эквивалентами слова с легко различимыми грамматическими отношениями между компонентами. Надо сказать, что в последнее время был предложен большой теоретический аппарат, с помощью которого оказывается возможным описывать синтаксис и семантику фразеологических сочетаний подобно тому, как описываются соответствующие части свободных словосочетаний (разумеется, с учетом специфики и первых и вторых)¹¹.

8. В последнем пункте своей статьи Н. Ю. Шведова, по существу, ставит вопрос об источнике наших знаний о языке. Упрекая меня в том, что я выступаю «как свой собственный информант» (стр. 43), она противопоставляет информатскому языковому опыту объективные данные о словоупотреблении, накапливаемые в картотеках и больших толковых словарях.

¹⁰ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 28.

¹¹ А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, «Проблемы кибернетики», 1967, 19.

Нельзя, конечно, сомневаться в важности объективных данных; однако даже самый обширный словарь и самая богатая картотека не освобождают исследователя семантики от необходимости присоединять к объективным данным свой (и чужой) субъективный опыт. Субъективный опыт, менее представительный, чем словари и картотеки, обладает перед последними тем бесспорным преимуществом, что открывает возможность не только наблюдать, но и экспериментировать — возможность, которую высоко ценили такие тонкие знатоки фактов, как А. М. Пешковский и Л. В. Щерба. В эксперименте богато представлен «отрицательный языковой материал» (Л. В. Щерба), уникальный в том отношении, что он во много раз скорее и эффективнее, чем тексты, позволяет установить существенные элементы значения слова. Так, самое главное (к сожалению, не отмечаемое словарями) семантическое различие между *вынимать* и *доставать* незаметно до тех пор, пока мы не попытаемся заменить первый глагол вторым во фразах типа *Он вынул* (но не **достал*) *руку из кармана*; оказывается, что в значении *доставать* есть указание на то, что между субъектом и объектом доставания невозможен органический контакт. Существительное *холостяк*, вопреки определениям словарей, значит не то же самое, что *холостой* (*мужчина*) = «неженатый (мужчина)», так как в нейроническом, стилистически нейтральном контексте невозможно называть *холостяком* 20-летнего неженатого мужчину или вдовца или разведенца (хотя все они, безусловно, *холосты* и именно этим словом описывают свое семейное положение, заполняя анкету); *холостяк* — это «неженатый мужчина, достаточно давно достигший брачного возраста и никогда не состоявший в браке» (определение А. К. Жолковского и И. А. Мельчука). У слова *автор* имеется особое, не зафиксированное в современных словарях (за исключением словаря Д. Н. Ушакова), но все еще сохраняющееся в современном языке значение «писатель», потому что фразы типа *мои любимые авторы, классические [древние, современные] авторы* уместны лишь в том случае, когда речь идет о литераторах, и неуместны, если имеются в виду создатели картин, симфоний, проектов и т. п. Можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента.

Теоретическая работа вообще немислима без эксперимента¹², а эксперимент предполагает обращение к информантскому опыту (своему и чужому). Если согласиться с этим тезисом, между Н. Ю. Шведовой и мной останутся чисто практические расхождения в интерпретации ряда примеров.

Жадный (человек) у меня определено как «(человек), сильно желающий приобрести X, которого у него нет и который не является для него необходимым». По мнению Н. Ю. Шведовой, мое определение годится только для случаев типа *Какой жадный мальчик: у всех все отнимает*. Однако случаи типа *Жадный мальчик: не дал зеленый карандаш раскрасить листья* снимают «одно за другим все элементы этого определения: желания приобрести нет, карандаш есть, он свой, чужого мальчику не надо» (стр. 43).

¹² См., например, работы Н. Ю. Шведовой о парадигматике и типологии простого предложения. При написании такого фундаментального труда, как «Словообразование чешского языка», использовались не только словари и картотеки, но и индивидуальное «языковое чутье» его составителей; см. «*Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen*», Praha, 1967, стр. 8. Обращение к экспериментальному материалу предполагают не только утверждения по поводу тех или иных фактов, но и некоторые теоретические понятия; ср. понятие «грамматической правильности» у Н. Хомского, понятие «потенциального слова» у А. И. Смирницкого, понятие «системной продуктивности» словообразовательного типа у М. Докупила; два последние понятия используются и в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М., 1966).

Этот анализ дает Н. Ю. Шведовой основание заключить, что я толкую «отдельное употребление слова» (стр. 43), «на основе только своего субъективного знания» (стр. 44). Из замечаний Н. Ю. Шведовой следует, что в обоих рассматриваемых ею случаях она видит одно и то же значение прилагательного *жадный*. Я же при толковании прилагательного *жадный* опирался на устойчивую традицию русской толковой лексикографии (см. словари Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Большой и Малый академические), последовательно различающей два разные значения этого слова: то, которое у меня определено, и то, которое представлено во втором примере Н. Ю. Шведовой и синонимично *скупой* (даже в кратком словаре С. И. Ожегова эти значения даются под разными номерами). Второе значение мною совершенно не рассматривалось, потому что пара *жадный* — *скупой* анализировалась только как пример квазисинонимов.

Глагол *завидовать* истолкован у меня следующим образом: *А завидует В* = «*А* не имеет *X*, и *В* имеет *X*, и *А* хочет иметь *X*, и *А* не хочет, чтобы *В* имел *X*»¹³. Н. Ю. Шведова считает, что это толкование опровергается примером *Я завидую ему: он так молод*. «... у *А* нет беспредметного хотения» «иметь молодость» и нет еще более беспредметного хотения лишить *В* молодости... Зато для любого употребления слова *завидовать* годилось бы определение: «*А* не рад тому, что *В* имеет *X*, потому что сам *А* не обладает этим *X*-ом»¹⁴ (стр. 44, разрядка наша. — Ю. А.). Итак, «*А* не рад...»; сделаем следующий шаг и спросим себя, что такое радость. По разумному предположению А. Вежбицкой, радость — это эмоция, которую испытывает человек, когда то, чего он хочет, имеет место. Можно, конечно, и не настаивать на буквальном тексте этого определения, но все же в любом нетривиальном толковании слова *радость* должно содержаться указание на желательность происходящего для субъекта. Тогда *А не рад*, как легко заключить, значит «*А* испытывает эмоцию, которую испытывает человек, если то, чего он не хочет, имеет место». Таким образом, указание на нежелательность того, что *В* имеет *X* (например, молодость), которое, по мнению Н. Ю. Шведовой, ей удалось исключить из определения, в действительности оказывается неустраченным.

Верно и более сильное утверждение: оно в принципе неустранимо. В этой связи подчеркнем, что семантическая составляющая «*А* не рад...» в толковании глагола *завидовать* представляется немотивированной. По крайней мере с тем же успехом на ее место в определении могли бы претендовать составляющие «*А* досадует...», «*А* раздражен...» (см. современные толковые словари), «*А* жалеет...» (см. словарь В. Даля), «*А* огорчен...», «*А* недоволен...», «*А* не нравится...» и т. п. Уже эта широта альтернативных решений показывает, что все построенные таким образом определения *завидовать* перегружают значение этого слова избыточными признаками. Скорее всего, зависть не является разновидностью нерадости, досады, раздражения, сожаления, огорчения, недовольства и других специфических эмоций. Существенным для зависти оказывается лишь их инвариант — значение эмоции, при которой некоторая ситуация (см. определение) является нежелательной для субъекта.

¹³ В этом определении, по мнению Л. Н. Иорданской, не хватает ссылки на то, что зависть — вид эмоции.

¹⁴ Если не допускать возможности семантических нейтрализаций (см. выше стр. 27), определение Н. Ю. Шведовой годится не для любого употребления слова *завидовать*, ср. «До вашего приезда я, по свойственной всем людям слабости, завидовала тому, что дается богатством, но теперь я переменяла свой взгляд и вдвое счастливее в своем уголке» (Мамин-Сибиряк, Горное гнездо). Если же такую возможность допустить, то мое определение тем самым вполне реабилитируется.

Несколько менее существенных замечаний. На стр. 41. Н. Ю. Шведова квалифицирует как ошибочное утверждение, что у предиката *верить* второе место должно быть занято именем целой ситуации со своим предикатом, ср. *Я верю, что он честен*. В качестве опровергающего приводится пример *Я верю в его честность*. Но *его честность*, в соответствии с широко принятыми сейчас представлениями, восходящими к работам О. Эсперсена, Л. Теньера, Е. Куриловича, Г. Рейхенбаха, трактуется как именная форма ситуации «Он честен», и, таким образом, этот пример не опровергает правила, а подтверждает его. На стр. 43 мне приписывается утверждение, что такие слова, как *слыть, мнение, репутация, жаль, неймется, всего* и т. д. вообще невозможно истолковать. Это — недоразумение. В действительности я утверждаю лишь то, что слова такого типа нельзя истолковать иначе, как в составе выражения *ХРУ*, где *Р* — толкуемое слово, а *Х* и *У* — переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания.

Можно было бы привести дополнительные аргументы и в пользу предложенного в статье анализа слов *автор — создатель, замужем — женат, появляться — показываться, братья — приниматься*, но в этом нет необходимости: все принципиальные вопросы рассмотрены, и читатель получил достаточно материала, чтобы сопоставить мнения сторон и прийти к собственным выводам.

Несмотря на наши разногласия с Н. Ю. Шведовой, я считаю состоявшуюся полемику полезной, ибо верю, что она позволит каждой стороне увидеть новые для нее аспекты обсуждаемых проблем.